

Цин Фэн принесла вести о буре, разразившейся на утреннем совете, когда Чи Юй прилежно упражнялся в каллиграфии.

Юная служанка, еще сохранившая детские черты, так и сияла от восторга.

—...И тогда Его Величество вскочил, в гневе ударил по столу и бросил им: «Вы просто завидуете добродетелям Императрицы! — Цин Фэн захлебывалась словами. — И добавил, что ему довольно и одного супруга!»

Стоявшая подле Бай Шао тоже не скрывала радости, но все же мягко осадила девочку:

— Поумерь пыл. Наш господин и впрямь человек достойный, но не стоит вести себя столь легкомысленно. Не хватало еще, чтобы твоя заносчивость бросила тень на его имя.

Цин Фэн притихла и, что-то бурча себе под нос, отправилась по делам.

Чи Юй с легким вздохом отложил кисть. Служанки помогли ему омыть руки, и он негромко распорядился:

— Вели всем в Обители быть осмотрительнее. В гареме еще живут вдовствующие наложницы — если до них дойдут эти толки, не оберешься сплетен.

— Господин, не будьте к себе так строги, — отозвалась Бай Шао.

— И то верно, излишняя скромность порой граничит с лицемерием, — кивнул Чи Юй. Он нахмурился и вздохнул: — Я не виню тебя. Просто в таких делах стоит лишь немного потерять чувство меры, и беды не миновать.

Убедившись, что Чи Юй действительно не сердится, Бай Шао наконец успокоилась.

Несмотря на запреты, слухи о произошедшем на совете лавиной расходились по дворцу. Чи Юй, поразмыслив, решил не препятствовать — в конце концов, это были хорошие вести. Однако, представляя, как Император «в гневе бьет по столу» и произносит столь пафосные речи, он невольно испытывал смесь благодарности и легкого замешательства. Современная память заставляла его смотреть на подобные жесты с долей иронии.

С каждым днем, проведенным в сознании, обрывки воспоминаний об этой эпохе парадоксальным образом тускнели, в то время как образы из его «настоящей» современной жизни становились все четче.

В первые дни после пробуждения он еще терзался из-за предательства старого господина, ощущал вполне естественный трепет перед Цинь Су и томился в «золотой клетке» дворца. Но

теперь эти чувства выветрились. Он вел себя с Императором все более дерзко, словно тот был не самодержавным владыкой, а его Цинь Су, а он сам оставался прежним Чи Юем.

Та, современная жизнь, была для него куда реальнее, чем судьба доблестного юного генерала, полная войн и потрясений.

Окончив обед и выпив лекарство, Чи Юй прилег, чтобы отдохнуть в тишине послеполуденного часа.

Нахлынули мысли о прошлом.

Чи Юй никогда не был послушным ребенком. В средней школе его родителей то и дело вызывали к директору из-за «преждевременной любви» — тогда он вовсю наслаждался своей первой личной драмой. По телевизору как раз крутили «Мою прекрасную принцессу», и они с подружкой, подражая героям, писали друг другу в записках: «Ты — ветер, я — песок».

Его отец-военный, человек старой закалки, тогда чуть не сошел с ума от ярости.

Но Чи Юй в то время был в состоянии холодной войны с отцом из-за матери и исправляться не желал. Сколько бы его ни отчитывали, он лишь упрямо гнул свою линию.

Его растила мать. Отец годами пропадал в частях, почти не навещая их, и в итоге дело закончилось разводом. Когда же старик наконец выслужил квартиру в военном городке и смог забрать семью к себе, мать уже была безнадежно больна. Она угасла за считанные месяцы. Чи Юя привезли в этот суровый гарнизон, устроили в школу-интернат, но отца он по-прежнему видел дай бог раз в квартал.

Он признавал, что был слишком привязан к матери, и потому годами не желал прощать отца. Лишь к университету, повзрослев, он смог найти с ним общий язык.

В старших классах пути с той девочкой разошлись, и вскоре Чи Юй завел себе парня.

Тот долго и упорно добивался его. Поначалу Чи Юю было неловко, он почти год бегал от ухажера, но тот оказался настойчивым, симпатичным и, к тому же, выходцем из богатой семьи. В конце концов Чи Юй решил — почему бы и не попробовать?

В школе об этом мало кто знал, ведь в те времена подобные отношения не считались чем-то достойным гордости. В университете же они оказались в разных вузах одного города, и расстояние лишь подогрело чувства.

Тогда они были молоды, отчаянны и верили, что мир принадлежит им. Однако спустя пять лет об их связи узнали родственники парня.

В одночасье «возлюбленный» превратился в «бывшего». Чи Юй получил лишь короткое смс с извинениями — к тому моменту трусливый наследник уже был на полпути в аэропорт, улетаю за границу.

Когда страсть была на пике, они клялись друг другу пойти до конца и во всем признаться родителям. Но итог оказался пшиком.

Чи Юй пил несколько дней кряду, пытаясь понять, что чувствует. Оказалось, в груди не пустота и не разбитое сердце, а лишь глухая обида. Его злило само это предательство: «Ты же первый ко мне привязался, а в итоге просто вышвырнул меня».

«Все-таки я холодный человек», — решил он тогда.

Утерев слезы, Чи Юй вместе с парой университетских приятелей с головой ушел в бизнес.

Он учился на математика, стажировался в финансовой компании, но в итоге поддался на уговоры знакомого «золотого мальчика» и втроем с еще одним выпускником они открыли агентство по поиску талантов.

Уже на месте выяснилось, что в штате всего три человека, а из активов — лишь предварительная договоренность с одной полуподпольной рок-группой. Чи Юй тогда чуть не задохнулся от возмущения, поняв, что вляпался в авантюру.

Времена были тяжелые. Чтобы подписать контракт с теми музыкантами, он съездил к ним раз двадцать, перепробовав все мыслимые доводы. Когда же дело было сделано, начался настоящий ад: запись альбомов, реклама, концерты... Если бы не связи того самого богатого приятеля в официальных кругах, они бы не выплыли.

Чи Юй разрывался между ролями менеджера, ассистента и стратега. Он вкалывал до изнеможения, и на душевные терзания времени просто не оставалось.

Компания встала на ноги, группа прославилась, пошли новые контракты.

Через пару лет агентство разрослось до приличных масштабов, а сам он стал довольно известным продюсером.

Чи Юя нельзя было назвать классическим красавцем, но в нем была некая притягательная утонченность. Светлая кожа, точеные черты лица, высокий и стройный, но не хрупкий — под белыми рубашками угадывались крепкие мышцы. Он умело пользовался своим образом «интеллигентного студента», чтобы втираться в доверие к нужным людям и очаровывать прессу. В нем странным образом уживались книжная мягкость и жесткая дисциплина, унаследованная от отца.

Мир шоу-бизнеса грязен, но Чи Юй был осторожен. Он не был артистом, ему не нужно было карабкаться через постели, а спину прикрывали связи партнеров. Жизнь текла своим чередом, пока он, став главой департамента менеджеров и акционером компании, не столкнулся с настоящей мерзостью.

На одном из фуршетов, где Чи Юй представлял своих подопечных инвесторам, к нему прицепился один влиятельный делец, известный пристрастием к молодым мужчинам. Чи Юй не из пугливых, но его новички-актеры затряслись от страха. Он пытался лавировать, не желая идти на конфликт, но его же собственные подопечные, надеясь выслужиться перед инвестором, начали вставлять ему палки в колеса.

«С такими друзьями и врагов не надо», — горько усмехнулся он про себя.

В самый критический момент на помощь пришел молодой бизнесмен.

Это был Цинь Су.

Позже, поблагодарив за спасение, Чи Юй узнал правду: Цинь Су был старшим братом того самого бывшего парня, который сбежал за границу. Брат по отцу, разные матери — обычная история для богатых семей с бесконечными разводами и интригами.

Вернувшись в компанию, Чи Юй первым же делом расторг контракты с теми предателями, что подставили его на приеме. Он как раз планировал отойти от дел с рок-группой и заняться кем-то новым, но получил удар под дых от жизни.

Отдохнув пару дней, он взял под опеку титулованного киноактера, только что сменившего агентство. Тут-то и началось самое веселое. Звезды первой величины — это совсем другой уровень игры, где ставки выше, а враги — беспощаднее.

Чи Юй то и дело попадал в передраги. Цинь Су иногда оказывался рядом, помогал делом или советом. Так они стали приятелями. За выпивкой даже вспоминали Цинь И — того самого младшего брата.

По правде говоря, Чи Юй и Цинь Су не слишком подходили друг другу характерами. Но цепь случайностей упрямо сводила их вместе.

Дружба переросла в нечто большее.

Потом они стали любовниками.

Чи Юй не считал, что безумно влюблен, да и в чувствах Цинь Су не был уверен. Они просто как-то незаметно оказались в одной постели и обнаружили, что им на удивление комфортно вдвоем. Обоих такой расклад вполне устраивал.

Удивительно, но факт.

Прошло еще два года под крылом кинозвезды, Чи Юй стал в индустрии «своим в доску», нажив при этом легион недоброжелателей. Кто-то завидовал его успеху в столь молодом возрасте, кто-то мстил за актера, чьи интересы он представлял.

В итоге кто-то из них организовал слежку. И Чи Юй впервые оказался на первых полосах желтой прессы — в центре громкого скандала.

Ему было чертовски неловко. Он-то думал, что раз сам не является звездой, папарацци им не заинтересуются, но в итоге подставил компанию. Да и как на это посмотрит его старик-отец?

Реакция Цинь Су на новости оказалась весьма своеобразной.

Он просто купил два билета до Штатов, пришел к Чи Юю домой и по дороге заскочил в ювелирный за парой серебряных колец.

— Не хочешь слетать со мной в Америку и заодно пожениться?

Чи Юй смотрел на его привычно бесстрастное лицо и гадал, что это — очередной расчёт или безумие?

Но они все-таки поженились.

Американского гражданства у них не было, церемония прошла в случайной церквушке у дороги. Юридической силы в Китае такой брак не имел, но фотографий хватило, чтобы успокоить общественность. Пресса вмиг сменила гнев на милость, поверив в историю «великой любви, не знающей преград». Фанатки обливались слезами умиления, поддерживая их в сети. Так этот странный союз стал восприниматься всеми как нечто незыблемое.

Но Чи Юй по-прежнему не чувствовал к нему «той самой» любви. И от Цинь Су не ждал подвигов. После свадьбы ничего не изменилось: вместо романтики наступил штиль, больше похожий на привычную привязанность родственников.

По крайней мере, так ему казалось тогда, до попадания сюда. В разгар затяжной холодной войны он даже всерьез подумывал о разводе. Чи Юй и не подозревал, насколько сильно он на самом деле привязан к этому человеку.

— А теперь выясняется, что я люблю его до боли.

Именно из-за этой любви он и влип в авантюру под названием «План по спасению брака», оказавшись в нынешнем теле.

Он запутался: откуда он пришел на самом деле?

Были ли его чувства к Императору лишь отголоском тех трех лет современного брака? Или же они зародились здесь, за эти пять лет — от предательства в царстве Ци до совместных битв в царстве Юэ?

Чи Юй закрыл глаза и провалился в сон.

Спалось беспокойно. Перед мысленным взором то всплывала тяжелая резьба кровати из красного дерева, то тускло мерцали современные настенные бра.

Но пробуждение принесло ясность.

Ему не стоило терзать себя напрасными думами.

Его чувства к Цинь Су в современной жизни были настоящими.

И чувства генерала Чи к своему Императору — от опального министра до супруга и воина — тоже были подлинными.

Если он решит, что всего лишь переносит старую любовь на нового человека из-за общих воспоминаний, это станет оскорблением для них обоих.

Таинственный голос тогда сказал:

«Воспринимай это как очередное перерождение, где ты просто забыл испить отвар Забвения. Или считай это путешествием сквозь пространство и время. Твой спутник потерял память, и ты здесь, чтобы помочь ему ее вернуть».

Голос явно пытался его запутать, но в итоге натолкнул на единственно верную мысль.

«У меня множество разных воспоминаний, и в каждом из них — разные "ты". Я не знаю, в какой именно из твоих версий зародилось мое сердце. Но это неважно. Ведь все они — части одного целого. Все эти "Цинь Су" отличаются лишь набором воспоминаний, но суть их едина. И я, обладающий всей полнотой памяти, обречен любить тебя в любом из миров. Глядя на любого из них, я всегда вижу первозданную искру — тебя самого».

<http://bllate.org/book/17538/1701269>